

Когда зажигают тыквы

Инга Гадалова

Инга Гадалова

Когда зажигают тыквы

«Автор»

2026

Гадалова И.

Когда зажигают тыквы / И. Гадалова — «Автор», 2026

Город Вороний Уступ — мрачный, вечно затянутый туманом промышленный городок на краю болот. Здесь осень пахнет мокрым камнем, дымом и пряной гнилью опавшей листвы. Каждый год накануне Хэллоуина улицы заполняются резными тыквами, но в этом году огни в них загораются сами — и не всегда гаснут с рассветом, пропадают люди и память о них. Бывшая журналистка Тара Вэйн берется за дело. Удастся ли ей разгадать вернуть свою пропавшую сестру, а городу- память?

© Гадалова И., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	7
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Инга Гадалова

Когда зажигают тыквы

Глава 1

Вороний Вестник. Выпуск от 27 октября.

Странные огни в районе старой фабрики: полиция просит не беспокоиться.

Жители окраин Вороньего Уступа сообщают о неестественном свете в районе заброшенной фабрики у болот. По словам очевидцев, свет не мерцает, как от костра, и не похож на обычные фонари: он будто тянется нитями от одного здания к другому.

Я шел домой после смены, смотрю- в пустых окнах что-то светится. Не ярко, а так, будто кто-то внутри держит лампу и не двигает ее. И самое странное: когда я подошел ближе, мне показалось, что свет идет не изнутри, а... как будто из самой темноты, -рассказал рабочий трамвайного депо Джон К.

В полиции заявили, что ситуация находится под контролем.

Речь идет о подготовке к городским хэллоуинским мероприятиям. Просим жителей не поддаваться панике и не приближаться к заброшенным объектам, -отметил представитель пресс-службы полиции.

Между тем, в редакцию поступили фотографии, на которых видны десятки тыкв, расставленных по кругу у ограды фабрики. В мэрии уточнили, что фонд Осенний свет действительно курирует осенние арт-инсталляции, однако формат этой конкретной композиции комментировать отказались.

Тара Вэйн задумчиво отложила утреннюю газету на журнальный столик. Если Брукс решил это выпустить в печать, должно быть он сошел с ума. За такие статьи ее и попросили из Вороньего Вестника полгода назад. Неужели даже ее бывший шеф стал догадываться о том, что происходит в этой проклятой дыре? А ведь еще совсем недавно он называл Тару чокнутой и кричал, что она позорит его перед мэром.

Ха! Мэр...немало же сил этот сноб приложил, чтобы Тару вышвырнули из газеты...

Тара взяла со столика чашку с горячим кофе и окунулась в воспоминания.

Вороний Уступ не любил осень. Не ту осень, что пахнет яблоками и сухими листьями, а ту, что приходит с туманом, который не рассеивается даже днем, и с тишиной, в которой слышно, как город будто задерживает дыхание.

Тара замечала это лучше других. Она замечала, как люди на улицах все чаще останавливаются посреди фразы, хмурятся и говорят: Прости, я забыл, что хотел сказать. Замечала, как исчезают мелкие детали: кто-то не узнает свою собственную улицу, кто-то не помнит имени соседа, с которым пил кофе каждое утро. И хуже всего - как исчезают люди. Не громко, не с криками и сиренами, а тихо, будто их вычеркивают из реальности по одной строчке.

Так исчезла ее сестра Майя.

Не в смысле уехала и не пишет, и не в смысле перестала отвечать на звонки. А в смысле, что через неделю после ее пропажи никто не мог вспомнить, что Майя вообще существовала. Знакомые смотрели на Тару пустым взглядом и качали головами: Ты, наверное, что-то путаешь. У тебя никогда не было сестры. Только Тара помнила. И от этого становилось страшнее всего: она была единственным человеком, который знал, что Майя была настоящей. Она знала, что мэр Лоренс и его чертов фонд Осенний свет к этому причастны, но никак не могла доказать.

Она стала жадно копать, и когда казалось, что истина у нее в руках, все время что-то мешало. Она следила за мэром, писала обличающие статьи...В редакции ее стали считать сумасшедшей и шептались за спиной.

Однажды к ее шефу появился мэр Лорэнс. Заходя в кабинет к Бруксу, он кинул уничижительный взгляд на Тару. А потом ее уволили.

Тара, одержимая поисками сестры, продолжала вынюхивать, попутно занимаясь мелкими расследованиями в качестве частного детектива, за три копейки, чтобы не сдохнуть с голоду...

Звонок телефона выдернул девушку из пучины воспоминаний. Тара вздрогнула.

-Тара Вэйн, частный детектив, слушаю,- уже по инерции произнесла она заученную фразу, подняв трубку старого дискового телефона,-Да, я. Да, конечно. Записываю. Скоро буду.

Тара наспех что-то черкнула в своем блокноте карандашом и положила трубку, задумчиво побарабанив по ней кончиками тонких пальцев. В глазах бывшей журналистки зажегся дьявольский огонек. Те, кто хорошо знали Тара, сразу сказали бы, что она что-то нащупала и готова вцепиться в это что-то всеми конечностями. Она вскочила с дивана и на ходу натягивая пальто выбежала за дверь.

Глава 2

Приют Теплый дом стоял на Полюнной улице, в том районе Вороньего Уступа, куда даже почтальоны заглядывали без удовольствия. Трехэтажное здание с облупившейся штукатуркой, чугунными воротами и двором, заросшим кленами так густо, что осенью листья заваливали крыльцо по колено.

Тара переступила порог приюта. Внутри пахло вареной капустой, стиральным порошком и той особой приютской тоской, которая не уходит, сколько не проветривай. Девушку уже ждали здесь. Ей навстречу по общарпанному коридору, скрипя половицами, спешила дама лет пятидесяти, довольно стройная и миловидная. Одета женщина была более чем скромно. Ее серая юбка ниже колен и вязаный кардиган горчичного цвета, с аккуратными заплатками на локтях, видали и лучшие времена. Волосы дамы были собраны в аккуратный пучок на затылке, и были такого блеклого мышинового цвета, что было сложно понять, такой ли у нее цвет волос или же она поседела. Однако это интересовало Тару меньше всего.

Незнакомка подошла к ней и заговорщицким шепотом спросила:

-Тара Вэйн?

Девушка коротко кивнула. Дама, беспокойно озираясь, потянула Тару за рукав шерстяного пальто.

-Пойдемте за мной. Здесь нам ни к чему говорить, могут услышать.

Частный детектив послушно последовала за женщиной. Они шли по длинному коридору с множеством облезлых дверей, пока дама не остановилась перед одной из них и настороженно оглянувшись, открыла ее и шмыгнула внутрь. Тара и ее спутница очутились в камере для хранения постельного белья.

Линолеум на полу истерся до бетонной серости, а голубая краска на стенах пузырилась от сырости и плесени. Пахло здесь своеобразно- стиральным порошком и, одновременно, примесью затхлости, какая бывает только в комнатах, куда редко заглядывает солнце. Запах этот въелся в стены, в деревянные полки, в ткани, - его не могли перебить ни веточки лаванды, разложенные на полки кастеляншей, ни открытые окна, потому что окно было одно, маленькое, забранное решеткой и выходившее на глухую стену соседнего корпуса. Сама камера была крошечной - шага три в длину и два в ширину. Свет падал из единственной тусклой лампочки без абажура, висевшей на проводе так низко, что высокий человек задевал ее головой. Лампочка горела не всегда: выключатель находился снаружи, и тот, кто входил, часто забывал его щелкнуть, а потом шарил в полумраке.

Вдоль левой стены стояли три деревянных стеллажа - грубые, из нестроганной доски, сколоченные еще, судя по всему, еще в допотопные времена. Полки провисли под тяжестью белья. Кое-где были вбиты гвозди, и на них висели на бельевой веревке мешки с надписями маркером: наволочки, простыни, полотенца. Маркер расплывался от влажности, и разобрать слово полотенца можно было только если знать заранее. Чистое белье - то, что называлось чистым - лежало стопками на верхних полках. Простыни разной степени белизны: одни почти новые, купленные на остатки прошлогоднего бюджета, другие - застиранные до серости, с зашитыми краями и заплатами из другой ткани. Нижние полки отводились под грязное белье. Грязное белье лежало неаккуратными кучами в пластиковых баках без крышек. Баки были переполнены всегда: стиральная машина в прачечной ломалась по вторникам и пятницам, а белья было много - на каждого ребенка по три комплекта, плюс полотенца, плюс спецодежда для уборки. В жару запах из баков поднимался к потолку и висел там тяжелым облаком, от которого начинали чесаться глаза.

Под самым потолком, на полке, чтобы достать до которой, нужно было залезть на стул, хранилось то, что не входило в обычный оборот: запасные одеяла - ватные, в сатиновых под-

одеяльниках, накрепко зашитых суровыми нитками, чтобы вата не вылезала. Там же - брезентовые мешки с надписью Спецдежда, в которых лежали заштопанные халаты, резиновые перчатки в парах, кое-как связанные шпагатом, и стопка полотенец с вышитым названием приюта: Теплый дом. Возможно, когда-то это название и соответствовало действительности, -мысленно усмехнулась Тара. За стеллажами, в углу, где штукатурка отвалилась целым пластом, обнаруживались иногда странные вещи: засохший бутерброд, огрызок карандаша, однажды- детская тетрадь с рисунком дома и подписью корявыми буквами мой дом. Никто не знал, как тетрадь попала в бельевую. Ее просто положили на верхнюю полку, и она осталась лежать между одеялом с розовыми цветами и мешком со спецдеждой.

Жили в бельевой и мыши. Воспитательницы ругались, ставили ловушки, раскидывали отраву, но мыши возвращались - их привлекали крошки, которые оставались от тайных пиршеств детей на белье, и тепло, которое шло от трубы горячего водоснабжения, проходившей через стену. Труба эта, обмотанная ветхим стекловолокном, была единственным источником тепла зимой, батарей в бельевой не было, и в морозы температура держалась едва выше нуля. Сейчас же, в эти осенние промозглые дни, здесь было не слишком холодно, но сыро и неприятно.

Женщина в горчичном кардигане брезгливо поежилась, но не торопилась начинать свой рассказ. Тара вздохнула и начала первой.

- Это вы звонили насчет мальчика? Может, расскажите, что случилось?- решила подтолкнуть она собеседницу.

Женщина нервно сглотнула и озираясь, словно в камерке мог быть кто-то кроме них и мышей, громким шепотом выпалила в лицо Таре:

- Он не мог! Не мог просто взять и уйти! Вся надежда на вас, Тара...-и тут же принялась сбивчиво рассказывать, чередуя шепот с громкими всхлипами.

Женщину звали мисс Чедвик. Она работала воспитателем в приюте Теплый дом. Замуж она так и не вышла и своих детей не имела, но доброе сердце мисс Чедвик привело ее работать в этот приют, чтобы хоть немного скрасить жизнь несчастных детей, да и что уж греха таить, свою тоже.

Томми Беккеру было одиннадцать. Он был из тех детей, которые знали, что их никто не ищет, и научились делать вид, что это даже хорошо. Он ходил в перешитой куртке, носил ботинки на два размера больше и собирал в коробку из-под обуви все, что находил на улице: пуговицы, проволоку, осколки стекла, похожие на осколки звезд. Он называл их карманным небом.

Недавно Томми начал рассказывать другим детям странные истории. Не страшные - скорее задумчивые, будто он и сам не понимал, правда это или нет. Говорил, что по ночам видит за окнами огонек. Не фонарь, не лампу - а маленький, ровный, синий огонек. Он мигал три раза и исчезал, будто его задували. Мисс Чедвик посмеивалась и говорила:

-Томми, это отражение от фонаря, спи.

Но Томми не спал. Он лежал с открытыми глазами и ждал, пока огонек появится снова. В ночь исчезновения Томми, в приюте все было как обычно. Двадцать три ребенка, ужин в шесть, тихий час в восемь, отбой в девять. Мисс Чедвик проверила комнаты в девять тридцать, как всегда. Томми лежал в своей кровати у окна, свернувшись калачиком, ботинки стояли рядом, коробка с карманным небом лежала под подушкой. Мисс Чедвик поправила ему одеяло и вышла.

В шесть утра, когда пришла утренняя смена, кровать Томми была пуста. Одеяло откинуто, ботинки на месте. Коробка под подушкой исчезла. Окно было закрыто изнутри, дверь тоже. Никто не видел, как он выходил. Никто не слышал шагов. Но были две странности. Первая: на подоконнике лежал маленький уголек с насечками. Мисс Чедвик взяла его в руки, повертела и выкинула в мусорное ведро, решив, что Томми притащил его со двора. Она не

знала, что это такое. Она не должна была знать. Вторая: на стене у кровати, в том месте, где раньше висел рисунок - Томми нарисовал дом с красной крышей садом, которого у него никогда не было, - теперь было пустое пятно. Рисунок не сняли. Он не упал. Он просто исчез, будто его никогда не существовало.

Мисс Чедвик подняла тревогу. В полицию позвонили в семь. К восьми во дворе уже стоял патрульный автомобиль, и двое полицейских с фонарями осматривали кленовые заросли, будто мальчик мог спрятаться среди опавших листьев. Но Томми не было нигде.

На третий день после исчезновения мисс Чедвик позвонила Таре. Потому что в полиции сказали: сбежал, найдем. А она не верила. Томми не из тех, кто уходит. Он из тех, кого уводят. Тара достала блокнот и сделала в нем пару записей.

-Мисс Чедвик, я могу осмотреть комнату мальчика?-спросила она, убирая блокнот и карандаш во внутренний карман серого пальто.

Мисс Чедвик взволнованно посмотрела на наручные часы, ремешок которых был настолько потрепанным, что уже почти утратил право называться ремешком для часов.

-Сейчас дети еще должны быть на уроке у миссис Твидч. -Думаю, мы успеем.-ответила она.

Воспитательница тихонько отворила дверь каморки и осторожно выглянула в коридор. Затем решительно кивнула Таре и они выдвинулись в сторону комнат, где живут воспитанники приюта. Тара подумала, что будь она Томми, то непременно сбежала бы из этого серого, навещающего безнадежную тоску места. Но она уже знала, что он не сбежал. И догадывалась, кто за этим стоит. Наконец, мисс Чедвик остановилась возле одной из комнат, и достав из кармана юбки связку ключей, быстро нашла нужный и открыла дверь. Быстрым шагом она вошла в комнату, в каждом ее движении чувствовалась неловкость и волнение, словно мисс Чедвик винила себя в том, что недосмотрела за мальчишкой.

Тара вошла следом за ней в комнату и огляделась. Комната, как комната. Кровать, тумбочка, подоконник, стена. На стене след от пропавшего рисунка.

-Мисс Чедвик, скажите, вы видели тот синий огонек за окном, о котором говорил Томми? Воспитательница замялась.

-Он все твердил про этот огонек, но я ничего не видела. Фонарь у нас обычный, желтый.

-А за последнее время кто-нибудь бывал в приюте? Из фондов, мэрии, благотворительных организаций?

Мисс Чедвик нахмурилась, пытаясь вспомнить.

-Да, приходили. Из Осеннего света. Привезли фрукты, конфеты, книжки. Сказали, что хотят устроить детям осенний праздник. Мы согласились, конечно. Кто от конфет откажется?

-Кто именно приходил?

-Двое. Мужчина постарше, в черном плаще, и молодой парень. Тихий, нервный. Он смотрел на детей так...будто считал их.

Тара не перебивала. Она уже знала, что молодой парень- Иво, он работает в администрации. А мужчина в черном плаще- мэр.

-Они что-нибудь оставили, мисс Чедвик? Кроме фруктов и конфет? Мисс Чедвик, это важно, прошу вас!

-Нет... Хотя, постойте. Они поставили в коридоре одну тыкву. Говорили, для уюта. Она стояла на тумбочке у окна. На ней еще были вырезаны какие-то узоры. Я не придавала значения.

Тара нахмурила брови.

-Где она сейчас?

Мисс Чедвик повела девушку в коридор. Тыква стояла на месте, но уже не горела. На ее боку виднелся узор: спираль, три точки в круге и тонкий крест из линий. Тара уже видела эти символы. И это ей не нравилось.

-Когда они ее поставили?-взволнованно спросила она воспитательницу.

-Дней пять назад.

-А когда Томми увидел синий свет?

-Примерно в то же время....мисс Вэйн, вы же не думаете, что...-мисс Чедвик осеклась на полуслове.

Тара достала из тыквы маленький уголек с насечками. Такой же, как тот, что нашли на подоконнике в комнате Томми.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.